

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 350.

² Юшкевич П. Материализм и критический реализм (О философских направлениях в марксизме). СПб., 1908. С. 13.

³ Берман Я. Диалектика в свете современной теории познания. М., 1908. С. 5—6.

⁴ Валентинов Н. Философские построения марксизма: Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия. М., 1909. Кн. 1. С. 209.

⁵ Берман Я. Диалектика в свете современной теории познания. С. 164.

⁶ Богданов А. Эмпириомонизм. М., 1904. С. 25.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 347.

Н. С. СЕМЕНОВ

ПОНЯТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО У КАНТА

И. Кант, философ-новатор, был одновременно и одним из крупнейших реформаторов логики. Немецкий мыслитель впервые ясно осознал границы традиционной логики и четко определил ее предмет. Она для него «есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления»¹. Здесь рассудок имеет дело только с самим собой и своей формой. Это то, что Гегель позднее назовет рассудочной логикой, которая составляет только один момент логического вообще. Такое понимание традиционной логики, ограничивающее круг ее задач и возможностей исключительно одним лишь формальным моментом мышления, породило проблему создания новой логики, которая исследовала бы само происхождение форм мышления, возможность их применения к чувственному материалу и, следовательно, отвлекалась бы не от всякого содержания мысли и познания. Все это означало расширение самого понятия логического, выявление его действительного содержания и глубинного смысла, а также потребовало разработки логической системы, в которой трансцендентальная логика должна была определить свое место.

Это расширение понятия логического у Канта было связано с его пониманием сущности научного познания. Философ признает два источника знания: восприимчивость к впечатлениям, т. е. способность получать представления, и спонтанность понятий (которую интересно было бы сравнить с гегелевским «самодвижением» понятий), т. е. способность познавать через эти представления предмет (см. с. 154). Посредством первой способности предмет дается, посредством второй — мыслится. Таким образом, познание всякого предмета предполагает два условия — его данность и его мыслимость. Иными словами, научное познание есть обязательно синтез созерцания и понятия.

Но поскольку признаваемый Кантом идеал научного знания предполагает безусловную всеобщность и необходимость этого знания, то данный синтез не может быть эмпирическим. Следовательно, в основе самой возможности всякого эмпирического синтеза созерцания и понятия должен лежать внеэмпирический, априорный синтез. Отсюда вытекает и внеэмпиричность, априорность синтезируемых в нем созерцаний и понятий. Их внеэмпирический характер требует полного отвлечения от «материи» (т. е. ощущений); априорное, таким образом, касается только формы, а именно чистой формы рассудка (категории).

Все это хорошо известно. Однако следует еще раз обратить внимание на поистине удивительный характер обеих синтезируемых сторон и на сам этот синтез. Иначе мы вряд ли поймем специфичность кантовского понимания логического. Что такое «данность»? Это своеобразная «субъективированная объективность». В основе данного — абсолютно неконструируемая «вещь сама по себе», объективная реальность. Но дается она только через субъективные (хотя и «чистые», трансцендентальные) формы нашего созерцания. Получается, что в «данном» нельзя устранить оба момента — ни объективный (иначе данность была бы заданностью, положенной целиком самим субъектом), ни субъективный (иначе мы непосредственно имели бы дело с самой «вещью в себе»).

А что такое мыслимость? Это, наоборот, своеобразная «объективированная субъективность». Мышление есть дискурсивная деятельность рассудка, сводимая к суждениям. Кант (и здесь налицо формальный момент совпадения с Гегелем) пишет вполне определенно: «мышление есть познание через понятия» (с. 167). Последние — предикаты возможных суждений.

Показав все функции единства в суждениях, можно найти и все функции рассудка, которые выражаются у Канта категориями. Но именно категории, будучи субъективными формами нашего мышления, обеспечивают в то же время всеобщность и необходимость научного знания, т. е. его объективность, по Канту. Категории есть первоначальные чистые понятия априорного синтеза, и только через них рассудок «может что-то понимать в многообразном [содержании] созерцания, т. е. мыслить объект созерцания» (с. 175). Другими словами, логическим функциям рассудка в суждениях соответствуют категории как правила чистого трансцендентального синтеза, лежащие в основе этих логических функций. Таким образом, категории как чистые правила трансцендентального синтеза — вот что составляет саму основу логического в том новом его понимании, которое было развито в трансцендентальной логике. Следовательно, различие логического у Канта и Гегеля в этом смысле — это различие трансцендентального и диалектического синтезов. Первый никак не может быть только категориальным, ибо за пределами чувственности категории «суть лишь формы мысли без объективной реальности» (с. 202). Это то необходимое в рамках критической философии, чего не мог принять Гегель. Ведь диалектический синтез, рассматриваемый логически, напротив, «чисто» категориален, понятен. Но зато и категории, обладая действительным объективным содержанием, приобретают здесь совершенно иное значение.

Итак, именно с понятием трансцендентального синтеза связано кантовское расширение понятия логического. Само по себе оно (логическое) есть лишь рассудочная форма суждения (если угодно, «форма» человеческого рассудка вообще). Эта логическая форма (суждения в понятиях) создается рассудком посредством аналитического единства; источник ее поэтому — аналитическое единство трансцендентальной апперцепции. Таково кантовское объяснение логического в традиционном смысле слова, которое, следовательно, он также принимает. Здесь за логикой остается сфера рассудочного и вместе с тем априорного и аналитического. Но дело в том, что теми же самыми действиями рассудок у Канта одновременно «вносит также трансцендентальное содержание в свои представления посредством синтетического единства многообразного в созерцании вообще» (с. 174). Спрашивается, что это за трансцендентальное содержание, вносимое рассудком посредством категорий?

Этим содержанием может быть только одно — связь. Сама деятельность мышления, по Канту, состоит лишь в связывании: «мышление, взятое само по себе, есть только логическая функция, стало быть, только спонтанность связывания многообразного содержания лишь возможного созерцания» (с. 387). Функция мышления состоит в том, чтобы определять всякое возможное созерцание в отношении к единству апперцепции. Оказывается, что логическое Кант относит только к единству мышления (сознания) вообще, единству, отвлеченному от того способа, каким предмет может быть дан. Но в основе единства лежит первоначальный априорный синтез самой апперцепции (ее синтетическое единство). Поэтому логическое у Канта получает новое определение благодаря своему необходимому отношению к априорному синтезу. Здесь уже намечается путь к Гегелю.

Априорный синтез — «вещь» не менее странная, чем «данность» или «мыслимость». Прежде всего «именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание. Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении наших знаний» (с. 173). Кант недвусмысленно заявляет, что «синтез вообще... есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой, функции души» (там же). Итак, априорное знание, по существу, оказывается синтезом трех синтезов: синтеза схватывания многообразного в чистом созерцании, синтеза воспроизведения этого многообразного в воображении и синтеза, основанного на самом рассудке и состоящего в сообщении единства чистому синтезу многообразного посредством понятий. Этими тремя моментами охватывается и понятие связи (многообразное — его синтез — единство). Однако связь — это акт спонтанности и, следовательно, то «содержание», которое не дается никаким созерцанием; сами категории уже предполагают связь. Как пишет Кант, «среди всех представлений связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» (с. 190). Это представление о синтетическом единстве многообразного предшествует всем понятиям и категориям и имеет своим источником трансцендентальную

апперцепцию. Единственная «содержательность» логического поэтому связана у Канта лишь с этим необходимым единством чистого синтеза многообразного по отношению к первоначальному синтетическому единству апперцепции. Без этого логическое оказывается лишь «пустой» формой, подлежащей аналитическому рассмотрению в общей (традиционной) логике.

По Канту, «производить» в мышлении и мышлением можно не саму «предметность» мысли, а только ее связь; «предметность» возникает лишь через необходимое отношение логических функций рассудка к созерцаниям благодаря такому посредствующему звену, как трансцендентальные схемы (продукт чистой способности воображения). Что касается понятия трансцендентального синтеза, то в нем выражена активность субъекта познания — трансцендентального субъекта. Эта активность, хотя и включает в себя спонтанность, полностью лишена характера произвольности и двояко ограничена, причем эти «границы» как раз и составляют ее определенность. Синтез, как мы уже говорили, есть синтез созерцаемого и мыслимого. Со стороны созерцаемого (чувственности) активность субъекта ограничена и «вещью самой по себе» как абсолютно неконструируемой основой познания вообще, и самими априорными формами созерцания, свойственными именно человеку как конечному существу. Со стороны же мыслимого активности «ограничена» и категориями (чистыми априорными формами рассудка, являющимися независимыми от меня правилами синтеза, которым должна подчиняться моя познавательная активность), и трансцендентальными идеями как граничными понятиями теоретического разума вообще, символизирующими все ту же «вещь саму по себе». Но теперь уже не как неизвестное **X**, аффицирующее нашу чувственность, т. е. не с точки зрения этой последней, а, так сказать, с высоты разумности и духовности нашего (человеческого) бытия, как бы предупреждающей теоретическое исследование о наличии более глубокой сферы, чем те предметы, которые она конструирует и рассматривает.

Вот эту определяющую «границу» активности познавательной деятельности трансцендентального субъекта (а у Канта это мистификация субъекта общественного) и образует логическое; только ударение здесь надо делать не на слово «граница», а на имманентную определенность этой активности, поскольку в ней участвует «спонтанность понятий», мышление. Границу здесь имеет, скорее, само логическое (которое, в отличие от Гегеля, не обладает тотальностью) и имеет ее в чувственности. Потому-то и «есть все основания тщательно обособлять и отличать одну от другой. Поэтому мы отличаем эстетику, т. е. науку о правилах чувственности вообще, от логики, т. е. науки о правилах рассудка вообще» (с. 154 — 155).

Так в чем же состоял кантовский «прорыв» в понимании логического? Исходя из всего сказанного можно отметить следующие его моменты: 1. Четко выделялась «сфера» логического, ограниченная априорным, формальным (т. е. противоположным эмпирическому, чувственному) и всеобщим, необходимым; 2. Логическое связывалось с трансцендентальным и опосредованно ориентировалось на некое подспудное, глубинное единство бытия и мышления (через синтетическое единство чистого созерцания и рассудочного понятия); 3. В понятие логического вносились также «содержательность» и момент активности, деятельности; 4. Логическое, которое у Гегеля понято как система «определений мышления, в котором противоположность между субъективным и объективным (в ее обычном значении) отпадает»², у Канта имело необходимое отношение как к объекту, бытию, так и к субъекту, трансцендентальному единству самосознания. «Сфера логического», таким образом, — это сфера отношений, имеющих априорный и нормативный характер.

Теперь несколько слов о структуре трансцендентальной логики. Формально она, казалось бы, аналогична структуре общей логики и включает в себя аналитику и диалектику. Но на самом деле трансцендентальная логика отличается от общей не только задачами и содержанием, но и планом построения. Для общей логики этот последний совпадает с делением интеллектуальных познавательных способностей: рассудок — способность суждения — разум. Соответственно, в общей логике (как аналитике) речь идет о понятии, суждении и умозаключении. Но трансцендентальная логика ограничивается лишь априорным знанием. Поэтому здесь появляется новый раздел, которого нет в общей логике, — трансцендентальная диалектика как критика видимости или «критика рассудка и разума в сверхфизическом применении разума» (с. 163). Различие затрагивает и саму аналитику.

Трансцендентальная аналитика, выступающая каноном оценки эмпирического применения рассудка, состоит из аналитики понятий, где речь идет о категориях, и аналитики основоположений. Последняя, в свою очередь, включает в себя учение о схематизме чистого рассудка (совершенно новый раздел, ничего подобного до Канта не было) и учение об основоположениях чистого рассудка. В первом рассматриваются чувственные условия применения чистых рассудочных понятий (категорий), во втором — те синтетические суждения, которые «априори лежат в основе всех остальных знаний». В них, собственно говоря, выражен тот идеал рациональности, который составляет само основание научного знания в его классическом понимании. Но для Канта вся суть здесь в том, чтобы определить те «условия, при которых предметы могут быть даны в соответствии с... понятиями (категориями), так как в противном случае эти понятия не имели бы никакого содержания, т. е. были бы только логическими формами, а не чистыми рассудочными понятиями» (с. 220). Кант, следовательно, не согласен признать категории «только логическими формами», лишенными всякого содержания.

Далее. Кант вовсе не отрицает, что предметом логики является истина или соответствие знания его предмету. Однако он не согласен, что логика может дать всеобщий критерий истины. Ведь знания многообразны и специфичны — в зависимости от того предмета, к которому они относятся; логика же может иметь дело только с всеобщей и необходимой формой знания вообще. Всеобщий критерий истины, чтобы быть правильным в отношении всех знаний безотносительно к их предметам, должен был бы отвлечаться от всякого содержания знания (отношения к его объекту). Истина же как раз и касается именно этого содержания. Поэтому-то достаточный и всеобщий признак истины не может быть установлен. Здесь снова очерчивается принципиальный момент расхождения между Кантом и Гегелем в понимании логического и, в конечном счете, отношения бытия и мышления. Если для первого «знание, вполне сообразное с логической формой, т. е. не противоречащее себе, тем не менее может противоречить предмету» (с. 160), то для второго такая позиция почти абсурдна, ибо логическая форма и есть внутренняя форма самого предмета, подвергнутого мышлению рассматриваемому. Но тут возникает своеобразный парадокс. Дело в том, что логическая форма, по Канту, есть продукт абстрагирования, опосредствованного и языком, и реальным «разложением» самой практической деятельности человека до ее простейших, абстрактных элементов: она, по сути, есть только нормативная схема мыслимости любого содержания, безотносительно к его специфическому характеру и значению. У Гегеля же, который как раз требует опосредствования, эта форма есть форма деятельности, подчиненная закону действительности; она «живет» в самом предмете, она есть его «разумность», в силу которой предмет открыт нашей мысли. Образно говоря, диалектика — это «язык» самого предмета, лишь артикулированный нашим мышлением. Трансцендентальная же логика — только смутный прообраз логики диалектической. И, однако, именно она открывает новое видение предмета и задач логики.

¹ Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 83. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте статьи (в скобках).

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 121.

В. Н. ФУРС

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

(на материале анализа классической древнегреческой философии)

В сфере философского познания существует ряд проблем, которые составляют неотъемлемое достояние философии и так или иначе решаются каждым философом. К их числу принадлежит проблема специфики философского познания, места и роли философии в системе культуры. Представления философии о себе самой оказывают существенное влияние на характер постановки и решения философских проблем, определяют жизненную позицию философа. Масштабность и глубина происходящих в современном мире изменений в материальных условиях жизни и сознании